№27
РАБОЧИЙ ТЕАТР - Ленинград
СЕН. 1933
500

С. ЦИМБАЛ

Мюзик-холл умер да здравствует мюзик-холл

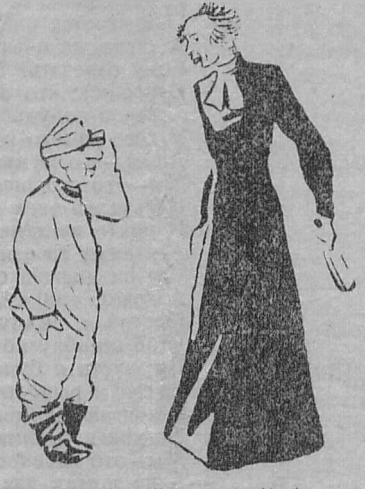
Было такое время, — мы все его помним слишком хорошо, — когда нашим мюзик-холлам грозило превращение в своеобразные филиалы института политпросветработы. Все, от кого это зависело, прилагали максимум усилий к тому, чтобы, упаси господи, предательский „утробный" обывательский смешок не нарушил мертвой тишины мюзик-холльных аудиторий. Тишина и скука стали полуофициальными китами нового мюзик-холльного качества. Для этого было предпринято несколько чрезвычайных мер. Эстрадные номера отныне никогда, ни при каких обстоятельствах не демонстрировались в своем открытом натуральном виде. Каскадеры стыдливо наряжались в обывательские одежды, потому что иначе зрителям могла бы прийти в голову безумная мысль, что перед ними кувыркаются подлинно советские люди. Балетный ансамбль в последовательном календарном порядке изображал весеннюю посевную, весеннюю уборочную, осеннюю посевную и осеннюю уборочную кампании. Наиболее перестроившиеся конферансье предупреждали свою аудиторию, что ничего смешного она, аудитория, может от них не ждать потому, что кончилось время всяких там беспринципных хи-хи-хи да ха-ха-ха. Перестройка совершалась, как акт всеобщего истребления жанра и его основных природных особенностей. В мюзик-холл получили доступ лектора, массовики, драматические актеры, одним словом, все, кроме мастеров эстрады.

Что это было? Левачество? Может быть, глупость или, наконец, злой умысел? Мне кажется, что настала пора разобраться в этом. Цели, поставленные перед новой эстрадой, были сами по себе несомненно превосходными. Жестокое наследие, доставшееся нам от дореволюционных времен, пребывало в острейшем противоречии с новым качеством зрителя, с новыми требованиями этого зрителя, а следовательно, и с новыми возможностями, которые перед малоформенными жанрами открылись. Впервые был поставлен вопрос о раскрытии средствами малых форм больших тем и проблем нашей действительности, впервые перед искусством малых форм была поставлена задача проникновения в существо своего материала, углубления и высокого осмысления его.

Само собой разумеется, все это никак не предполагало ликвидации жанра, а тем паче превращения его из искусства легкого, жизнерадостного смеха в искусство пыжащихся, тугодумных и примитивных рассуждений. А получилось именно так. Палка оказалась перегнутой до анекдотов. Танец, эксцентрика, смешной рассказ, жанровая песня — все это было поставлено под угрозу немедленного уничтожения. Почему танец? — спрашивали глубокомысленные реконструкторы эстрады. Что он выражает, за что он борется? Ни за что? Так смерть ему. Реконструкторы эстрады по логике вещей превратились в нетерпимых монастырских настоятелей. Они выдумывали все, что только может выдумать ничем не сдерживаемый человеческий мозг для того, чтобы веселые номера стали грустными, а интересные номера — воплощением зеленой скуки.

Зритель был терпелив только до поры до времени. Он проглатывал подчас вовсе не съедобные „реконструктивные" блюда. И когда терпение его истощилось, он голосом сначала робким и просительным, а потом настойчивым и требующим, объявил о своем желании в мюзик-холле видеть программу мюзик-холльную, на эстраде слушать тексты эстрадные, недвусмысленно дав понять, что для политического самообразования у него есть литература несравненно более квалифицированная и вразумительная, нежели бездумные политические трактаты эстрадных авторов.

Зритель был совершенно прав. Реконструкция эстрады и мюзик-холла ни в коем случае не должна ложиться на его, зрителя, плечи. Он отнюдь не обязан довольствоваться сплошными „издержками производства" так, как это могут делать и должны делать люди, специально посвящающие себя работе по перестройке малоформенных жанров. Это несложное обстоятельство было основательно нами забыто.



Мюзик-холл. Арт. Вальяно и Кабатченко (Рис. худ. Минчиковского)

Это значит, что подлинная творческая перестройка эстрады и мюзик-холла, основанная на изучении и раскрытии органических природных особенностей жанра, не может, не должна прекращаться ни на одну минуту, но вместе с тем это значит, что работа по реконструкции ни на одну минуту не может итти в ущерб специфическому качеству эстрадной и мюзик-холльной продукции.

Хороши были бы конструктора новых самолетов, если бы они заставляли пассажиров летать в своих еще не до конца испытанных моделях. Качество обуви мы измеряем тем, как она ложится на нашу ногу и насколько удобно в ней можем мы передвигаться. Нам не легче от того, что сапоги, которые жмут нашу ногу, суть совершенно новая модель. А в мюзик-холле и на эстраде недоношенные, недоделанные и неиспытанные конструкции сплошь и рядом предлагались к массовой эксплоатации. Здесь незачем говорить о том совершенно стихийном авторском приспособленчестве, которое получило в такого рода реконструктивной работе право на жизнь.

Короче говоря, зритель перестал мириться с тем, что происходило на сцене мюзик-холла, и потребовал к себе элементарнейшего внимания. И вот тут начались сложности. Эстрадники, которых с огромным трудом и напряжением перестраивали и отучали от всякой пошлятины, но которые в глубине чувствовали себя великомучениками, теперь объявили о том, что их повергнутое искусство оказалось все-таки „лучше", нежели вся эта „реконструкторская суета". Неожиданно для самих себя они почувствовали, что в этой активности зрителя можно найти силы и вооружение для некоего „идейного" реванша. И вот пошли возобновляться давно выброшенные „куплеты с рефренами", полуодесские рассказы, интимные песенки и пр. и пр. Реконструкция не удалась, зритель ее не хочет, — решили реконструкторы, — единственный, стало быть, путь к существованию — вернуться вспять. И возвращаются, не понимая истинных задач перестройки, которая должна осуществляться с учетом потребностей зрителя, которую должно ввести с прямой ориентацией на живого конкретного потребителя, отнюдь не настолько отставшего от эстрадно-мюзик-холльных идеологов, чтобы не разобраться в действительно новом и не предпочесть всякой возобновляемой ерунде подлинно советское, подлинно новое эстрадно-мюзик-холльное качество. Разрыва здесь существовать не должно. А существует.

см. стр 11